

Сегодня, чтобы оставаться русским писателем, необходимо мужество. Впрочем, как и всегда.

В 1992 году Иван Переверзин впервые появляется в Москве. Жизнь поставлена на карту. Или грудь в крестах, или голова в кустах!

Этот переезд не только обострил чувство родины, но ещё больше сгустил и без того крепчайший раствор его поэзии. Мир самым неожиданным образом раздвинулся.

Точно так *“уставшее томиться за тучами солнце, вырвавшись в огромный небесный прогал между светлых туч, горело ярко, я бы сказал, напористо, словно хотело наверстать упущенное из-за дождя время”*.

Теперь это действительно был целый мир, а не только капитоновская начальная школа, не поселок Жатай и даже не Якутск.

Север просто так не отпускает своих сыновей. Где-то далеко осталась *“глубокая тишина, изредка нарушаемая заречным, далёким кукованием кукушки да лаем собак в посёлке”*.

Знал ли молодой писатель тогда, как много эта тишина земли Олонхо* для него значит?

Не думаю, что присутствие Ивана Переверзина в нашей жизни случайно, хотя, похоже, сам писатель не особо в это верит: *“Нет, кто бы там что ни говорил, но случайность Богом не предусмотрена. Нет ничего случайного в жизни нашей, всё по воле Божьей, в том числе и так называемые исключения из правил. И, может быть, это исключение и есть высший смысл человеческой жизни на земле, ибо каждая человеческая жизнь никогда не вкладывается ни в какие рамки и правила”*.

Жизнь его действительно не вписывается ни в какие рамки и установления. Это как раз то самое исключение из правил – человек пытливый, деятельный и отчаянно русский. В этом смысле Переверзин – писатель на удивление цельный. Пожалуй, самый цельный из первого ряда в современной литературе.

“На этом прекрасном свете, в этой тяжёлой и потому интересной жизни, к счастью, Господу было угодно сделать так, что я ради вдохновенной и содержательной – до звона! – жизни должен был доказывать чуть ли не ежедневно своё право на саму жизнь. Доказывать – всем: и силой, и верой, и волей, и мозгами, и, конечно, любовью!..”

* “Олонхо” – якутский героический эпос, свод сказаний о древних богатырях.

Это уже философия. Есть где разгуляться, как говорит сам поэт, молодецкой душе.

“Время не стояло на месте. Миновала ещё одна долгая, с жгучими морозами, с бешеными снежными вьюгами, с безжалостным хиусом якутская зима, за ней, словно быстрокрылый стерх, пролетело жаркое, с проливными дождями, сверкучими молниями, с ухажущими, как ночные совы, громами, щедрое на грибы и ягоды лето”.

Присмотритесь к отрывку переверзинской прозы, и, быть может, найдёте объяснение, как в этой горячей и подчас избыточной живописи слов возникает почти физическое ощущение происходящего. В каждой строчке сквозит радость сопричастности этому миру, всё переливается и дрожит, отчасти меняя очертания. Действительность смешивается с воображением — и наоборот.

Наверное, настоящая литература и есть ощущение невыразимого бытия с оттенками таинства и волшебства. Не будь у Переверзина в крови органически ему присущей переверзинской речевой фантазии, он никогда бы не сочинил такое.

С самого раннего возраста существенное место в художественном мире Ивана Переверзина занимает природа, когда *“цветистая бабочка или шелестящие на ветерке светло-зелёные листья берёз и тополей неожиданно подарят поэтическую строчку, а может, даже целое стихотворение! И ты придёшь в класс, словно свалившись с неба, — с чистой и заполненной чувством прекрасного до самых краёв души!”*

Это был тот самый возраст, когда нас настигает восторг перед чудесами белого света, когда даже самая малость на этой земле начинает жить своей жизнью. Это была та самая зоркость, что буквально во всём открывает неожиданное содержание.

Отсюда берут начало такие полновесные и такие зримые юношеские строки: *“Клубится тьма, несётся свет, / Пронзая ночь, несётся мимо, / Но сердце дрогнуло в ответ / От красоты неповторимой...”*

Талантливым поэтом Иван Переверзин был уже тогда. В каждом написанном слове мы находим созвучное нам многогранное и противоречивое, почти утраченное сегодня ощущение невероятности жизни, восторга перед красотой этого мира, к которому он пытается приобщить читателя, изображая переменчивую действительность вокруг и ещё более бесконечные перемены внутри человеческого сознания.

В чём секрет? В чём его тайна? Прямого ответа нет в книге.

Талант Ивана Переверзина органичен, как хорошая кровь, воли не занимать, опыт огромен, и опыт этот бесконечно личный. Читаешь — и словно забираешь грудью морозный воздух и чувствуешь, как наполняется душа чем-то несбыточным, и энергия “необъятных сил” властно напоминает о себе.

“Непогода, которая сопровождала только что закончившийся ледоход на Лене, улеглась. По высокой светло-голубой небесной глади, словно парусники по штилевому морю, бесшумно скользили белоснежные редкие облака. Солнце в золотой короне из ярко горящих лучей стояло в зените, озаряя землю горячим светом. В сухом тёплом воздухе сильно пахло хвоей и смолой. С веток, скрытые от глаз, беззаботно верещали синицы, а где-то в глубине леса куковала кукушка”.

Оказалось, что вселенная просто искрится светилами и другими небесными телами, пересечена силовыми потоками; и всюду жизнь, и всюду незримый поток энергии, выражением которой, в конечном итоге, являемся мы сами. Книга буквально пронизана жаждой понять человека, и всей душой, и всем сердцем писатель с ним. И литературу он мыслит как выражение неразсторжимой родственной связи между людьми.

“Вот так началась, но, слава Богу, по нынешний день не закончилась моя покосная страда. И хочется думать — не закончится никогда, а если вдруг и закончится, то я этого уже не замечу.

Где же вы нынче, мои дорогие, незабвенные отец и мать, дядя Михаил и тётя Тося?!”

Очевидно, что природа Якутии — очень русская, очень простая и неброская. И в этом её обезоруживающем свойстве, должно быть, и кроется разгадка писательской зоркости. Противостояние доступного в своей чистоте Севера и вдохновенного человеческого сердца определяет сюжеты многих переверзинских сочинений.

Таким поэт и пришёл в этот мир, чтобы “иметь возможность любить, радоваться, восхищаться природной красотой и природным покоем, которые возносят душу до небес”. И при всём при этом сохранить свою первозданную цельность.

Творчество писателя связано, главным образом, со страной его детства — Якутией.

Это, прежде всего, живой и точный рассказ о том, что он увидел на Крайнем Севере — и в сельской глухомани, и в городках. Он исследует этот мир на самых разных социальных уровнях. Его интересует как простой охотник-промысловик, так и человек, поставленный управлять людьми, — вся многоликая Русь, с её жизнестойкими силами.

“На переломе времён” Иван Переверзин хорошо усвоил справедливый закон русского Севера — закон великодушия и участия в этом мире. Надо сказать, что этот закон не имеет никакого отношения к неписаному высшему праву Джека Лондона.

В тех далёких годах открылось немало неожиданных и значительных встреч, которые подготовили этот перелом. Постигание таких, казалось бы, вечных, но животворных качеств, как “совесть, сочувствие, милосердие, жалость”, — неотъемлемая часть становления молодого поэта. Именно здесь, на Крайнем Севере, он впервые постиг азы высшего дара, высшего таланта — дара доброты и человечности.

Эта жизнь “сильна, как смерть и любовь”, и сводит на нет все наши усилия опутать её цепями условности. “Эта жизнь не раз ломала его через колено, топила в ледяной воде, вспухшей в наводнение и летящей по распадку с такой скоростью, что смывала на своём пути даже тяжело гружённые машины”

В писательстве Переверзин прошёл буквально через всё. Начинал как поэт, потом замечательно проявил себя как публицист, и вот теперь снова как бы начинает с чистого листа — открывает для читателя “обычную речь” (Даль) традиционной русской прозы.

“Была у него одна непреходящая страсть — строить разные лодки, в том числе и небольшие, такие лёгкие, что их можно было запросто одному человеку перенести на нужное место. Строилась она очень легко. Подбирались четыре шестиметровых доски толщиной не более двух с половиной сантиметров, которые после просушки обстругивались со всех сторон. Из двух сколачивалось днище с ребрами жёсткости, а из оставшихся тесин делались борты. Пазы между досками тщательно конопатились и заливались гудроном, расплавленным в бочке на кострище. К бортам на гвоздях крепились из круглого дерева уключины. Одевай на них проушины вёсел из полосового железа — и гребь себе в любую сторону!”

В первой же прозаической книге Иван Переверзин предстает как подлинный мастер изображения всего многоцветья жизни, как в природе, так и в людских отношениях, вмещающих и лирику, и патетику, и бытовые подробности, и стихию невысказанных чувств.

“Росомаха” представляет собой не столько фабульно-событийное движение жизни, а насыщенность её сложнейшими оттенками внутреннего диалога, сопутствующего внешнему, но неизмеримо более важного.

“Однако ближе к вечеру мои мысли заметно успокоились и стали течь ровно, как по высокому весеннему синему небу белые, озарённые солнцем облака. Вдруг услышал я знакомое до боли курлыкание. Поднял глаза и увидел под облаками журавлей, которые клином, равномерно махая неутомимыми крылами, возвращались с далекого юга на север, к родным гнездовьям, чтобы за короткое якутское лето вывести и поставить на крыло потомство. Со светлыми мыслями об этих птицах я и уснул, на случай ночного заморозка, зарывшись поглубже в сено”.

Писатель не мыслит себя без своих крестьянских корней и со знанием дела описывает течение обычной жизни, подробности земного существования, каждодневные дела и занятия своих героев, их привычки и поступки. Он до тонкости знает их быт, их предрассудки, их мечтания.

“По жизни наш герой больше всего любил трудиться, поэтому за что бы он ни брался, — и бралась с душой! — вспахивал ли на совхозном тракторе “Беларусь” отвоеванное у царственной тайги при помощи корчевания деревьев бульдозером, пожогом корневищ столетних могучих лиственниц и сосен обширное, протянувшееся к синему горизонту поле для посева озимых или про-

сто вскапывал штыковой лопатой в приусадебном огороде землю под морковь, — всё у него получалось намного быстрее и лучше, чем у других”.

“Этому герою, работающему и никогда не роптавшему на свой удел, писатель всегда был близок — жизнь и язык безбрежной Лены, холмов и ложбин, ущелий и хребтов всегда были его жизнью и его языком. В этой книге он вернулся в свои пределы, в свои краски и время, его вновь окружает природа его детства, он опять дома. А с отзвуками родных голосов, которые заполняли своей без конца повторяющейся нотой все дни его детства, к нему вернулись воспоминания о суровых зимах, о давнишних веснах, о высоком небе, когда “солнце стояло в зените, но от воды исходила чувствительная прохлада, а встречный ветер так освежающе обдувал лицо, что словно сами собой блаженно закрывались глаза. Волны звонко плескались о борта баржи, но поднятые не ветром, а огромными встречными судами: нефтеналивными танкерами, сухогрузами, пассажирскими теплоходами. Да ещё и снующими вверх и вниз по течению многочисленными лодками с подвесными, стройно гудящими моторами”.

Человеку требуется место, куда можно вернуться. С каждым годом таких мест становится всё меньше. А потому настоящей, подлинной темой его прозы, конечно же, является жизнь человеческого сознания. Порой (особенно в пейзажных отступлениях) читатель может забыть, кто, собственно говоря, рассказчик. В другие моменты (более всего в точках переходов от описаний к действию) Переверзин властно напоминает о себе, и мы с удивлением отмечаем, что рассказ ведёт именно он.

“Прежде чем заснуть, я часто прогонял и прогонял перед глазами, как киноленту, разбушевавшуюся водную стихию, по которой на всех парусах летит бригантина под моим командованием. Гривастые белопенные волны, перекачиваясь через корабль, чуть не сбивают меня с ног, чтобы унести в море, но я так сильно держусь за ручки огромного штурвала, что успеваю ещё отдавать матросам строгие команды. И, конечно же, выхожу из схватки со штормом победителем!”

Кадры переверзинской “киноленты”, производящие тот или иной эффект, сменяют друг друга так быстро и непринуждённо, что получается своеобразное наложение набегающих, бесконечно разных впечатлений.

“Заснул я не сразу, всё никак не мог отделаться от видений: то перед глазами сплошной лентой проплывали извилистые, едва приметные тропинки, то виделись встревоженные морды собак. Но усталость напирала — и я сдался: погрузился в крепкий, здоровый сон”.

Книга “Росомаха” — это, главным образом, небольшие повести и рассказы — образцы “малой прозы”, связанные неразрывной внутренней жизнью рассказчика.

Любой переверзинский текст сформирован так, что авторство мгновенно становится очевидным. Умение подбирать нужные слова и выстраивать фразы, когда многое лишь обозначено пунктиром, позволяет нам с ходу уловить то, что рассказчик хочет донести. Авторская интонация, та особая атмосфера, присутствующая исключительно его произведениям, ощутима тем сильнее, чем глубже мы погружаемся в произведения, где отчётливо звучат переверзинский голос и тембр, переверзинская мелодия речи, касалось бы, сгущённая до предела.

“Вечерне небо сплошь заполнили косматые свинцовые тучи, при каждом ударе зигзагообразных молний оно озарялось яркими вспышками — сполохами, гром за громом, как филины, ухали раскатисто — и так мощно, словно над самой головой. Проливной ливень из-за сильного ветра, дующего с севера, косо обрушивался на землю с чёрных небес, вода моментально затоплила все выбоины на дорогах, превращая их в глубокие мутные лужи”.

Ни одного “преувеличенного” слова, как сказал бы Иван Алексеевич Бунин. А вот и переверзинский символ веры из рассказа “Три стихии”:

“Но Господь так милостив ко мне неспроста. Может быть, потому, что я живу — на разрыв аорты! Понимаешь, — живу, а не существую. И люблю в жизни — жизнь! И буду её любить даже в смерти!..”

Сочетание разных стилей в одном отдельно взятом отрывке и мужественные попытки ввести в одну композицию разные художественные стили — эта особенность рассказчика не раз напомнит о себе. Такая эстетическая широта требует не только смелости.

Вольно или невольно, писатель попытался в концентрированном виде ввести в литературу “весь человеческий опыт”. Его мир кажется не просто

широким, а неисчерпаемым. Сквозь призму этого опыта он воссоздаёт своеобразную художественную летопись края, в которой так или иначе находит отражение жизнь всего русского народа.

Собственно говоря, тут три разных мира, постоянно взаимодействующих и обретающих резкость от этого взаимодействия. Это Якутия, потом Москва, потом то, что мы называем загнивающей. Все они принадлежат одной Книге.

*“Зимовье оказалось старое, неизвестно, кем и когда срубленное из со-
сновых брёвен. Избушка вся, как старуха столетняя, сгорбленная, со стена-
ми, обросшими сырым, скользким мхом. Кровля, устроенная из надранной
лиственничной коры, позеленела от времени, но дождевую влагу не пропуска-
ла. В самом зимовье стояла походная железная печурка с сухими берёзо-
выми поленьями”.*

Этим пристальным взглядом на обыденность жизни автор выгодно отлича-
ется от писателей, которые предпочитают в таких случаях всего лишь “ис-
ключительное”.

Публика соскучилась по поступкам литературных героев. И Переверзин
раз за разом выдёргивает из сонного оцепенения не только своего героя,
но и читателя.

Суть такого дарования нельзя ограничивать лишь “текстами”.

Существуют писатели, которые гораздо значительнее своих сочинений.
Это как раз тот счастливый случай. Точнее, если произведения и представля-
ют собой безусловный интерес, то благодаря исключительно личным качест-
вам автора – в тексте, за текстом, над текстом, под текстом.

Писатели по-разному входят в жизнь людей своего поколения. Всё про-
исходит или внезапно, или слишком медленно.

Не потому ли нас не покидает ощущение, что Иван Переверзин как бы вы-
пал из литературной жизни своего времени, по крайней мере, той, что про-
текала на поверхности. Этому можно найти объяснение. Всё это время писа-
тель занимался не шумом, а творчеством. Его “литературный вес” крепчал не
от бесконечных телешоу, а от книги к книге.

Как ни странно, пёстрый московский калейдоскоп пошёл ему на пользу.
Он сблизился с интересными людьми в самых разных областях, и всё это вре-
мя продолжал напряжённо и упорно трудиться. Выходят книги, как на роди-
не, так и за рубежом, о нём печатаются статьи. Наш соотечественник Иван
Переверзин получает признание читателей и собратьев по перу. Но всё же,
несмотря “на длинный ряд своих добрых дел”, как в литературе, так и на об-
щественном поприще, мне кажется, Иван Переверзин по-прежнему остаётся
одиноким волком. Как и надлежит быть настоящему художнику. Даже любов-
ная страсть не в силах победить эту разобщённость и позволить людям по-
стигнуть то сокровенное, что составляет сердцевину их существа.

*“Догорал костёр. Посмотрев на него, Дмитрий вдруг понял, что, словно
этот костёр, в его душе догорают последние чувства к Елене, ещё вчера та-
кой близкой, а сегодня уже недосягаемо далёкой, как ставшая к утру почти
прозрачной высокая луна”.*

Тайна человеческой закрытости, неспособности людей, даже любящих
друг друга, преодолеть силы взаимного отталкивания представляется писате-
лю по-прежнему насущной и значительной.

Герой Переверзина, впрочем, как и сам писатель, – неделимая единица,
если так можно выразиться, существующий среди множества таких же замк-
нутых в себе единиц.

Он давным-давно понял, что лучший способ научиться писать – читать хо-
роших писателей и просто жить. Точка. Без уточнений. Что ещё есть кроме
земного, что значительнее страданий безвестных человеческих единиц, осуж-
дённых жить на земле, которая дрожит, разламывается под ногами и в любую
минуту может поглотить всех нас навеки. Так было не раз: “...неважно, идут
ли проливные, обложные, с раскатистыми громами и огненными зигзагооб-
разными молниями дожди, или высоко, на раскалённом добела небосводе
пылает вдохновенно, как рябиновый костёр на порывистом ветру, огромное
золотое солнце”.

Именно в этом, земном, наверное, и заключается смысл всего нашего
бытия, и разве человек виноват в том, что для него нет ничего больше? Ниче-
го, кроме Бога, обрётённого им для утешения своего. А разве не Бог вложил
в нашу душу мысль – единственное орудие самозащиты человека среди пуга-
ющей неизвестности?

“Неизвестность навсегда остаётся со мной! И горе, и радость в неизвестности моей – и не будет горю моему конца, но и не будет конца радости моей!..”

Говорят, нет более гуманной философии, чем восточная. Эта философия построена, главным образом, на любви к ближнему и восприятии мира как целого. Считается, что она исцеляет.

В лихую годину человек всегда искал опору и поддержку вере, а зачастую таким вот образом просто бежал от ужасов жизни. Убежать, конечно, можно, растворившись, например, в непроглядной мировой душе.

“Давно, усталый раб, замыслил я побег...” – сокрушается Пушкин. Толстой хоть запоздало, но осуществил свою мечту: взял и покинул насиженное гнездо. Вот и буддист Сэлинджер после первых же публикаций оборвал все связи с внешним миром. А буржуазный до мозга костей Жан Поль Сартр вообще подался к коммунистам.

Переверзин не бежит. Он и не думает уступать, когда с поднятой головой сражается за своё человеческое достоинство.

Наверное, поэтому “Росомаха” – это, прежде всего, книга о тех, кто скорее пустит себе пулю в лоб, чем поднимет руки, книга о смысле существования, который нужно ещё отыскать среди беспорядка жизни.

“Кажется, время остановилось, кажется, ещё один шаг – и я умру... Но каким-то чудом всё-таки живу и, собрав остатки сил в кулак, чуть не крича, чуть не плача, подтягиваюсь на руках и переваливаюсь, наконец, через последний горный выступ. В сознании ещё успеваешь уловить понимание того, что я – на вершине, но тотчас теряю сознание. Лежу бездыханно минуту, другую, третью, а когда прихожу в себя, то мне кажется, что прошла целая вечность...”

В этой статье мне бы не хотелось искать у автора какую-то чёткую, продуманную философскую доктрину, перед нами, прежде всего, – изменчивое, сверкающее бесконечными переливами многообразие жизни.

Любовь – вот что действительно наполняет смыслом и содержанием жизнь, питает художественный талант.

Любовь – это первое слово создателя, первая осиявшая его мысль. Всё, что Господь сотворил, было прекрасно, ни одно творение не хотел бы он вернуть в небытие. И любовь становится источником всего земного и владычицей всего сущего.

А значит, деревья не высохли, и реки текут в том же направлении. Разве что птицы иной раз сбиваются с курса, устремляясь к родным берегам.

Красной нитью проходит через творчество Ивана Переверзина тема любви, а значит, и её постоянной спутницы – смерти.

Когда *“начинаешь день за днём, случай за случаем перебирать в памяти всё пережитое с целью определить: а всё ли сделал, чтобы родной человек смог прожить как можно больше?! И если даже никакой вины не находишь, всё равно продолжаешь, как в поисках алмазов или золота в горном галечнике, неумоимо копать в себе, словно ищешь ту заветную истину всего земного и небесного, от которой в полной мере зависит смысл всей твоей такой беспокойной, такой тяжёлой, но, несмотря ни на что, всё восходящей к счастью жизни”*.

А что такое счастье? Всего лишь “насыщенная гордость”, как некогда заметил Лермонтов. И мы знаем, что рано или поздно за любое счастье придется платить.

Развивая мысль о счастье – “насыщенной гордости”, – писатель обнаруживает какую-то сверхжитейскую (“экзистенциальную”, говоря языком XX столетия) серьёзность. Счастье как бы венчает постоянную устремлённость героя к метафизической свободе, к выходу из любых зависимостей и связей.

Наверное, нет на свете такой истории, которая не кончилась бы плохо. Похоже, никому на этом свете ещё не приходилось испытывать счастья без того, чтобы он не подумал о том, что произойдёт после. Вот человек и живёт, постоянно балансируя между гордыней и низменными страстями. Только вспоминает он об этой грани часто уже после того, как баланс безвозвратно потерян.

“И каждый раз, когда ему казалось, что наконец-то повстречалась та единственная, во имя которой он готов взойти на эшафот, чтобы принять мученическую смерть, розовые очки спадали с глаз, ветер сомнений, ворвавшись в душу, выдувал из неё последние язычки пламени тех, как ему

казалось, высоких чувств, а на самом деле в очередной раз — только вспыхивающие ослеплённого и воспалённого воображения. Образ, автором которого был он сам, по-прежнему оставался образом — и только”.

Автор доносит эту мысль с леденящим спокойствием не потому, что он так думает, а потому, что считает своей обязанностью об этом сказать. *А всё ли он сделал?* — вновь и вновь спрашивает он самого себя.

Требование это (в любви ли, в труде ли) как раз и становится той мерой, при помощи которой он проверяет на истинность любые формы человеческого общежития. Но что означают теперь эти самые нормы и формы, когда утративший всяческую ценность старинный слоган “свобода, равенство, братство” и актуальный (в который раз!) лозунг “обогащайтесь!” самым удивительным образом становятся в нашем сознании, по меньшей мере, взаимозаменяемыми?

К чести своей, писатель всегда трезво оценивал народ, не идеализировал, но и не преуменьшал его достоинств. Люди как люди. *“У каждого своё пристрастие, своё понимание смысла жизни, своего места в этой жизни. В том числе и в отношении к труду”*.

Каждый человек для него представляет особую ценность, каждый из живущих на этой земле — чудный сплав достоинств и недостатков, высоких устремлений и заблуждений. Хотя он как художник давным-давно прояснил для себя, что реальность — это то, чем никогда не нужно довольствоваться, чему ни при каких обстоятельствах не следует до конца поклоняться. . .

От сцены к сцене, от абзаца к абзацу, даже от фразы к фразе писатель словно бы и не пишет, а “списывает” героев из таких глубин народной стихии, что становится не по себе.

Иван Переверзин не открывает нам Америки. Он показывает людей, с которыми так или иначе его свела судьба. Зачастую они впустую растратили свой потенциал, слишком много пили и жили, как придётся. *“А если не пили, то беспрестанно, одну за другой выкуривали папироски”*. Есть над чем задуматься!

Мало кто умеет так поразительно рассказывать о людях, якобы безличных и незаметных, и так убедительно показать нам, что безличных и незаметных людей не существует. Держась как будто повседневности, рассказчик уводит нас далеко за её пределы — к ужасу и красоте современного мира.

Портреты переверзинских персонажей, через которых всего полнее раскрывается сам писатель, почти всегда отстранены, а то и диковинны.

Напомним в этой связи о красноречивом образе одного из малых сих, *“шибко страдающих с похмелья”*: *“Он со своим распухшим и разодранным в кровь лицом ходил взад-вперёд около крыльца, прижимая к груди крест-накрест сложенные руки и глубоко постанывая. Особенно поразил цвет его лица — он был блеее зимнего снега и отливал мертвенной синевой!”*

Этот мóлодец мог бы явиться гротескным результатом улучшенной цивилизации, если бы не авторская, скажем так, смущённая жалость и вполне отчётливая симпатия, которые Переверзин невольно питает к одному из “малых сих”.

Тут дело не в том, что автора страшат загулы работяг или труд как таковой (мало кто работал в своей жизни с такой отдачей сил, как сам писатель), а в том, что он не приемлет того, что отчуждает человека от самого себя и способен убить его в самом прямом смысле слова.

Автора удивляет не только то, что люди вынуждены вступать в этот мир несвободы, предьявляющий права и на их личность, и на саму их жизнь, но и то, что они готовы свыкнуться с подобным положением вещей, начинают воспринимать его как нечто само собой разумеющееся. А с другой стороны — сколько в них предвестий наступающих времён!

“Относится ли автор к ним с симпатией?” Ответ однозначный: *“Да!”*

Иван Переверзин действительно любит своих героев. Он ценит их за удаль и бесшабашность, за силу и даже за вполне понятные слабости и, разумеется, не собирается выгораживать или — не дай Бог, конечно! — придавать им товарный вид. Для него это живые люди, и он показывает этих людей с беспощадностью современного писателя, при этом ни единым словом не отделяя их от себя.

Само чувство любви преподносится им в неоформленном, текучем состоянии. Оно постоянно движется, ежесекундно переосмысливаясь, то заслоняясь непрерывно меняющимися побочными всполохами, то внезапно

обрываясь и возвращаясь вспять, словно путеводная звезда северная звезда, то и дело ускользает, заставляя человека вновь и вновь повторять раз за разом одну и ту же неотвязную мысль, которую так и не удаётся додумать до конца, освоиться с нею.

“Любим! Ну, конечно же, любим! И дай нам Бог любить друг друга вечно, несмотря ни на старость, что неминуема, ни на смерть, что на самом-то деле не вечна, как многое в этом мире. И трижды прав пророк, сказавший: “Все проходяще, только любовь не пройдёт никогда!”

В каждом своём произведении писатель напоминает нам, что отпущенные часы любви, само право жить есть такой щедрый, такой незаслуженный дар, что он с лихвой окупает все горести, все до единой. Но отчего же так “долго, невыносимо долго тянется время?! Словно Господь лишний раз испытывает человека на излом, что только сильные люди имеют право на счастливую жизнь”.

Действительно, Переверзин принадлежит к тем, не так уж часто встречающимся писателям, для которых создаваемая ими литература не ни йоту не отчуждена от них самих, а импульсы мысли – от тектонических сдвигов бытия, для которых творчество является не больше и не меньше, как способом жить. Уже одно это придаёт его прозе и стихам совершенно особый тон неподдельной искренности.

Охотник и мечтатель, Иван Переверзин не в силах забыть “незакатные дни” ни одного короткого северного лета. Желание наполнить душу смешанными с болью сладостными мгновеньями прошлого заставляет его вновь и вновь браться за перо.

Если внимательно прочесть написанное писателем, то остаётся убеждение, что он ещё не рассказал нам и малой доли того, что видел и знал. У настоящего художника всегда ощущается что-то ещё помимо написанного им.

Разумеется, это, прежде всего, дневник души. На его страницах не стоит искать автобиографические душевных замет; по меньшей мере, искать их напрямую. Цветущую формулу бытия (такова расхожая формула) Переверзин воспринимает как поэтическую сложность души, нравится нам это или нет. И всеми доступными средствами преобразует эту сущность души в цветущую сложность художественной правды.

Трагический лирик по натуре, Иван Переверзин весьма скептически (если не сказать больше) относится к полотнам современных балетристов. Бенгальский фейерверк этих сочинений представляется ему надоедливым телевизионным фоном – обманчивым, зыбким, фальшивым, а персонажи, кочующие по страницам книг, напоминают всего лишь бледные тени настоящих, живых людей. А сколько мы повидали на своём веку этих глянцевого изданий, блестящих и дешёвых, ушедших с тою же лёгкостью, как и пришли!

Переверзину это не подходит. Его дар – холодный и белый пламень, горящий ровно, надёжно и строго. Никаких “напыщенных и неизменно фальшивых” (Иван Бунин) писательских страстей, никаких идеологических мнимостей и манерно-душещипательных пассажей.

Обладая чутким слухом, осязая вещную плоть мира, писатель понимает, что жизнь людей как бы двоится, когда граница проходит между видимым слоем, поверхностным и неистинным, и скрытым – таинственным и подлинным. Внешней стороне житейской событийности он противопоставляет самодостаточность “внутренней биографии”:

“Это меня мучило, но в то же время заставляло из последних сил, а когда они заканчивались, то и исключительно на одной воле продолжать всё, что стало смыслом моей жизни!”

Переверзин весьма искусно пользуется избранной им формой “непосредственного рассказа”. Он не описывает – он сопереживает. Он не отражает – он изображает. Он не берёт – он ищет.

Главная особенность этой манеры – простота, ясность, та самая непосредственность, которая дорогого стоит, и какая-то особенная увлекательность сюжета.

Незавершенность, присущая переверзинскому повествованию, пронизывает в “Росомахе” все уровни текста. “К счастью, жизнь не стоит на месте. Горести сменяются радостями – и наоборот. И не зря говорят, что время лечит не только физические, но и самые глубокие раны”.

Если Астафьев или Распутин в своих реалистических произведениях стремились предельно ясно и исчерпывающе выявить суть человеческого

характера и те отношения, в которые люди вступают между собой, то поэтика повествования Переверзина, сама система отношений его героев держится на некоей недосказанности, недоговоренности. Факты имеют значение лишь настолько, насколько они могут дать художнику возможность через них разглядеть то, что скрыто за ними.

“Воодушевление” (это слово у Платонова многозначно, но, прежде всего, означает подспудный поиск “лучшей участи”) никогда не покинет сердца людей. Воодушевлённая деятельность под пером Ивана Переверзина – это деятельность, прежде всего, мужчин, порой безжалостных, порою широко и свободно великодушных, но всегда твёрдых, последовательных и сильных.

Всякий раз писатель открывает для нас как будто заново этот свет воодушевления, когда человек, практически каждый человек не знает своих пределов, он может перешагнуть через себя, рассмеяться смерти в лицо и подарить жизнь ближнему или отдать за него свою.

Как сказал однажды поэт, “есть всюду жизнь, и здесь была своя”.

Писатель попытался создать “не роман, но книгу”. Можно сказать, что в воссоздании этой жизни он самобытно скрестил, пожалуй, всё самое лучшее, что было освоено нашей литературой за последнее время. А ещё Переверзин умеет хранить верность. Верность не только близким людям, но и великой русской литературе, которая однажды и навсегда овладела его сердцем.

В новой книге можно найти немало привлекательных черт – распахнутость и глубину, нравственный максимализм и наблюдательность, искренность тона и определённости суждений. Даже в “энергии заблуждения”, по выражению Льва Толстого, Иван Переверзин раскрывается как самобытный писатель со своим оригинальным видением мира и неповторимой манерой письма.

Некоторые порицатели считают Переверзина автором неровным, уязвимым для критики, хотя, несомненно, высокоодаренным – в таланте ему не отказывали даже те, кто был нетерпим к его самостийности. Например, с пренебрежительно-высокомерной точки зрения якобы утонченных эстетов и высокообразных интеллектуалов Переверзин слишком близок к народу.

Подобные критические разборы слишком уж смахивают на болтовню, которую вели промеж собой достославные Парки, ткущие нити человеческих судеб. Неть спасения от этих разговоров.

В таких случаях мелочный литературный быт поднимается столбом пыли и дыма до самого неба.

А что? Очень даже может быть. Вполне допускаю мысль, что поэт не принадлежит ни к одной литературной группировке и, рискну предположить, плохо знаком с нравами московской богемы. Жизнь как жизнь. История продолжается.

Иван Переверзин не нуждается в защитниках. Мало ли каким он подвергся упрекам – и прошёл мимо. Но кто из них, пустозвонов и умников, собственными руками возделывал и улучшал этот мир – возводил жильё и сплавлял лес, косил траву и выкорчёвывал пни, поднимал детей и отстаивал писательскую правду, колотил кедр и “на практике постигал все премудрости такого непростого дела, как охота”?

Главное, конечно же, заключается в другом. А именно в том, с каким азартом и упрямством писатель совершает свой невидимый творческий подвиг, возделывая собственную душу и по крупницам собирая самого себя как писателя.

В этой тяге к непрерывному жизненному развитию, к преодолению “исторической судьбы”, несмотря на выпавшие испытания и “личную, часто смертоносную судьбу”, прослеживается судьба всего нашего народа. Теперь многое становится понятным. Всё та же близость к народу, привязанность писателя тому, что сохраняет и поддерживает эту связь.

Долгие годы Иван Переверзин жил в краю, где борьба за жизнь приобретает характер убийственной простоты и бесчеловечной ясности.

Соки земли питают лишь тех, кто хранит верность исконной мудрости матери-земли. Исследуя русский национальный характер, писатель забирается в такие “медвежьи углы”, где людей привязывает к дому лишь семья, дети, привычный труд и кресты на могилах предков.

“И снова я стал обретать присущую мне силу духа и непоколебимую веру в будущее, словно почувствовал, сколько испытаний предстоит мне выдержать и выйти из них победителем – через боль и радость, через потери и обретения...”

Именно эта жизнь научила его любить, бороться и верить. И как русский человек Переверзин хорошо усвоил её уроки. Он ищет и находит своих героев в том единственном месте – в народе, зачумлённом горем и нуждой, но все ещё хранящем в себе тайну своего терпения и существования.

В его мудром жизнелюбии гармонично и совершенно отозвалось понимание народом истинной цены жизни “даже на бедной и скучной земле”, где и **“голодно, и болезненно, и безнадежно, и уныло, но люди живут, обречённые, не сдаются”**. Ведь не выдуманы же эти люди, сеявшие хлеб, ловившие рыбу, добывавшие зверя. Из самой жизни взяты.

“А мои мозги не покидала мысль о росомахе, цена которой оказалась всего две бутылки спирта. Но, вспомнив молодого парня, который мог и вправду, не опохмелившись, умереть, я подумал: “Да, цена шкуры росомачи оказалась действительно небольшой, но она могла, случись страшное с парнем, взлететь и до цены человеческой жизни. Только вот есть ли на свете такая цена? По крайней мере, я – не знаю. И, может, не узнаю никогда...”

Этой мужественной правде жизни нельзя не верить, когда читаешь рассказы талантливого писателя. В них чувствуется не просто правда, а своя, глубоко выстраданная истина, громадный личный опыт, следы перенесённых в действительности невзгод, трудов, наблюдений. Потому-то северные повести производят такое чарующее и неотразимое впечатление.

Такие писатели, как Иван Переверзин, по словам Н. В. Шелгунова, “носили эту жизнь в себе, как носили в себе русский мир, жили они в нём, и, когда нужно было говорить об этом мире, они не творили, не измышляли, не сочиняли, а просто рассказывали то, что сами переживали, перестрадали, вынесли и видели. Тут, если хотите, не процесс творческого измышления, а сама жизнь”.

Мировоззрение человека меняется медленно и трудно (если вообще можно говорить о каких-либо переменах в этой области). Всякий раз новое причудливым и странным образом сочетается со старым. Но своеобразие представленной прозы не только в этом.

Например, “Невосполнимая утрата”, по сути, является стихотворением в прозе. В этом эссе Переверзина вновь открыто и сильно напомнил о себе голос чувства, искренний и внятный, отлитый в законченную художественную форму. Самый строй и лад мысли героя и автора у него максимально сближены. Переверзин пишет так же, как говорит, как думает, как мечтает. Все его отступления, восторги, крайности, которые были бы фальшивы у другого, образуют авторскую непринуждённость стиля.

Язык писателя – язык родной земли. Такая речь возникает, когда рассказываешь свои истории, один на один, самому близкому человеку, такая речь могла сложиться лишь в тесном общении человека с природой, в трудной простоте и мудрости народного характера. Это сближение заставляет нас задуматься не только о судьбах русского человека в прошлом, но и его настоящем и будущем.

Однако же, смею заметить, что, на мой взгляд, Иван Переверзин далеко шагнул за круг литературных авторитетов, которых он некогда выбрал себе в качестве ориентира; во всяком случае, для меня это более чем очевидно. И всё же учитель, конечно же, у писателя есть: тот единственный учитель, которому обязана своей силой и непритворством русская литература. Этот учитель – русский народ.

Наверно, поэтому на его книге лежит отпечаток задушевного мужского разговора, и всегда чувствуешь, что автор говорит не “людям вообще”, а какому-то одному очень близкому человеку, он один только и важен для писателя, только он и может понять всю глубину и значительность сказанного.

Мне нравится в новой книге автора её спокойная сила, твёрдый и ясный ум, мужество и верность традициям отечественной прозы.

Это впервые было явлено ещё в лирических опытах автора. Именно в поэзии, как оказалось, Иван Переверзин сумел сфокусировать весь свой жизненный и творческий опыт, и от неё, как от камня, брошенного в воду, кругами разбегаются темы, мотивы, образы его настоящих и будущих прозаических откровений.